

УДК 811.134.2'271.12

Ольга Владимировна Сидоревич-Стахнова
канд. филол. наук, доц. каф. романских языков
Белорусского государственного университета

Olga Sidorevich-Stakhnova

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Romanic Languages
of the Belarusian State University
e-mail: stakhnova@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНСКОЙ ГРУБОЙ ЛЕКСИКИ В СИТУАЦИЯХ БЕСКОНФИКТНОГО ОБЩЕНИЯ

Рассматривается наметившаяся в последние годы тенденция интенсивного использования средним носителем испанского языка грубых лексических единиц. Устанавливается механизм распространения такой лексики: первоначально заимствованные молодежью в качестве своеобразной реакции на внешне появившуюся свободу после падения диктатуры Ф. Франко грубые лексические единицы стали постепенно проникать в речь других возрастных категорий, а затем и тех социальных слоев, которые традиционно относились к элитарным. Особое внимание уделяется факторам использования этой лексики в ситуациях, не связанных с нанесением ущерба социальному «лицу» коммуникативного партнера. В речи современных носителей испанского языка грубые слова часто выступают в роли своеобразной фатической связки и средства экспрессии. Приобретая дополнительные значения, они способны равноценно замещать нормативную лексику.

Ключевые слова: грубая лексика, десемантизация, бесконфликтное общение, прагматический потенциал, фатическое/экспрессивное средство, дополнительные значения, молодежь, элитарные слои общества.

Pragmatic Potential of Spanish Rude Lexic in Situations of Non-Conflict Communication

The article deals with the problem of extension of rude lexic's usage by an average native Spanish speaker. The mechanism of such words' spreading is established: originally borrowed by young people as a kind of reaction to a suddenly appeared freedom after the dictatorship of F. Franco, rude lexic began to penetrate gradually into the speech of other age categories and then those social strata that traditionally belonged to the elite. Particular attention is paid to the tendency to use this vocabulary in situations that are not related with the damage of communicative partner's social face. In the modern Spanish speech culture rude lexic often acts as some kind of phatic or expressive mean. Moreover having acquired additional meanings such words are used as an equivalent substitute of the normative words.

Key words: obscene lexic, desemantization, conflict free communication, pragmatic potential, phatic or expressive mean, additional meanings, young people, elitarian stratas of society.

Введение

В конце 70-х гг. XX в. П. Браун и С. Левинсон заложили основы лингвистического изучения вежливости. В основе их теории лежит представление о том, что каждый член общества имеет «лицо» (face), которое он требует уважать со стороны других членов общества, зная, что другие требуют того же для себя [1, с. 61–62]. Исходя из первоначальных установок теории вежливости, использование элементов грубости, невежливости, вульгарная лексика неизбежно ведет к рассогласованию позиций общающихся и нарушает баланс в общении. Такие элементы противоречат основным критериям вежливой речи [2, с. 335].

В современном испанском языке наметилась неожиданная с точки зрения пер-

воначальных установок теории вежливости тенденция к использованию грубых слов в ситуациях, не связанных с нанесением ущерба социальному «лицу» коммуникативного партнера. Часто грубые лексические единицы, как это следует из нижеприведенного примера, способствуют поддержанию групповой идентичности и используются в бесконфликтном общении:

– *Hostias, qué listo. No se me había ocurrido. Qué cabrón eres* – contesta David con auténtica admiración (*Черт возьми, как умно. А мне и в голову не пришло. Ну ты и козел*, – отвечает Давид с подлинным восхищением) [3, р. 283].

Несмотря на исходное грубое содержание слова *cabrón* 'козел', в данной коммуникативной ситуации оно не использует-

ся говорящим как оскорбительное, а наоборот направлено на выражение восхищения.

Цель работы заключается в установлении причин усиления функциональных позиций грубой лексики, а также в выявлении прагматического потенциала порицаемых с традиционной точки зрения средств грубости и невежливости. Объектом исследования выступает грубая лексика испанского языка. Предмет исследования составляют особенности функционирования этой лексики в бесконфликтном общении.

Исследования в области распространения и использования грубой лексики важны для понимания языка и культуры испаноязычного мира, т.к. подобные факты могут создавать особую проблему для прикладных областей испанистики, в частности при обучении испанскому языку в качестве иностранного.

Под грубой лексикой в данной работе мы понимаем бранные, нецензурные слова, которые считаются некультурными, неприличными и порицаются с нормативной точки зрения.

Наблюдательный иностранец, владеющий испанским языком, отмечает для себя эту необычную черту общения современных испанцев. Так, английский журналист Д. Лоней в опубликованной в 1993 г. книге «Эти странные испанцы» особенно подчеркивает нередкое в разговоре использование испанцами обценной лексики, связанной с обозначением физиологических отправления и сексуальных актов [4, с. 70–71].

С целью составления реестра грубых слов мы использовали тексты таких периодических изданий, как «El Mundo», «La Vanguardia», «El País», «ABC», которые проявляют заботу о своем языке и стиле. При анализе мы обратились к понятию среднего носителя языка – типового представителя данной языковой общности, на которого по большому счету и рассчитаны газетные тексты. В нашем понимании средний носитель испанского языка – это рядовой носитель языка, проявляющий способность к речевой деятельности, использующий испанский язык как средство общения, человек, оперирующий определенными стереотипами поведения, зафиксированными в языке. Проведенный количественный анализ корпуса текстов этих изданий в период с 2015 по 2020 г. показал, что в них допус-

каются такие грубые с точки зрения нормативного употребления слова, как, например, *mierda* ‘дерьмо’, *cojones* ‘тестикулы’, *puta* ‘женищина легкого поведения’, которые использованы 16 000, 12 700, 12 000 раз соответственно. Удивляет уже сам факт их наличия в текстах газет, которые следят за своим стилем, правилами употребления лексических единиц, языком в целом. В плане сравнения отметим, что не находится места такого рода словам в авторитетных периодических русскоязычных и белорусскоязычных изданиях. Например, в газетах «Рэспубліка», «Звязда», «Ведомости», «Известия» подобные лексические единицы отсутствуют.

Кроме того, грубая лексика допускается в испанские лексикографические источники. Такого рода слова, хотя с пометой *malsonante* ‘непристойный’, фиксируются даже в Словаре Королевской испанской академии. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что подобные элементы в испанской речевой культуре получают распространение, а традиционно накладываемые социально-культурные ограничения на использование этой лексики ослабевают.

Такая тенденция в испанском языке относительно нова. Появление ее восходит к изменениям, произошедшим в общественно-политической жизни Испании во второй половине XX в. Речь идет, прежде всего, о трудностях процесса демократизации, с которыми столкнулось испанское общество, пережившее франкистскую диктатуру. Отсутствие жесткой цензуры положило начало более широкому процессу по опрощению традиционных для испанской культуры прошлых лет принципов общения.

Первой на такую внезапно появившуюся идеологическую свободу отреагировала молодежь, «выразив в своем поведении протест против косности политического режима» [5, с. 3]. Этот протест в языке проявился, в частности, в заимствовании лексики из языка субкультур, а также норм общения тех слоев общества, которые занимали невысокое положение на социальной иерархической лестнице, и для которых не существовало или были ослаблены ограничения на использование грубой лексики. Этот процесс усиливался, т. к. изначально воспринятая молодежью грубая лексика стала распространяться и на другие возрастные категории, проникая в их речь.

Представляется, что причина такого влияния кроется в постепенной утрате взрослыми «*autoridad y otros valores que sustentaban el viejo orden tradicional*» (авторитета и других ценностей, лежащих в основе старого традиционного уклада) [6, р. 7]. Показательно в этой связи мнение, высказанное в одном из социологических исследований: «*Los padres están demasiado próximos a sus hijos por ser demasiado parecidos*» (родители чрезмерно близки своим детям из-за того, что слишком похожи на них) [7, р. 34]. Если раньше взрослые предлагали образец поведения и общения, на который ориентировалась молодежь, то в последние десятилетия именно взрослые подражают молодым людям и хотят быть похожими на них. В речи это проявилось среди прочего в распространении моделей общения, принятых в молодежной среде.

Постепенно элементы грубости и невежливости стали проникать в речь представителей тех слоев общества, которые традиционно считались элитарными: политики, крупные предприниматели, интеллигенция, занятая в искусстве, кино и т. д. Показательным в этом смысле является выступление Антонио Басагоити – лидера Народной партии Страны Басков, в речи которого допустимыми являются такие крайне грубые с точки зрения нормативного использования слова, как *soño* или *sojonudo* [8].

Таким образом, если традиционно испанская культура ориентировалась на образцы общения, формируемые в социально престижных и политически доминирующих сообществах людей [9, с. 119], то наблюдаемая в последние десятилетия тенденция дает основание заключить о своеобразной наметившейся переориентации языкового престижа. Изначально воспринятые молодежью и используемые в межличностном общении элементы грубости были заимствованы представителями других возрастных категорий и социальных слоев.

Использование грубой лексики в речи испанцев имеет свои специфические черты. Шведские испанисты А.-Б. Стенстрём и А. М. Йёргенсен, анализируя речь мадридских подростков, отмечают, что такие непристойные, с точки зрения общего языка, обращения, как *hijalo de puta* (букв. *сын женщины легкого поведения*), *cerdalo* (букв. *свин*) могут «*tener una función fática, relacionada con la cortesía lingüística*» (могут вы-

полнять фатическую функцию, связанную с языковой вежливостью) [10, с. 356]. Иначе говоря, грубость в речи не всегда направлена на критику другого, на то, чтобы нанести ущерб его социальному «лицу».

С целью выявления прагматического потенциала грубой лексики в современном испанском языке в ситуациях повседневно-бытового общения не связанных с оскорблением собеседника, мы провели качественный анализ таких грубых лексических единиц, как *joder* (вступать в интимные отношения), *mierda* (дерьмо), *puta* (женищина легкого поведения), *cabrón* (козел), *sagar* (испражняться), на материале драматических и художественных произведений современных испанских авторов начала XXI в. В таких произведениях присутствует не потенциальный, как в газетных статьях, а реальный, пусть и выдуманный автором, собеседник. Это в свою очередь позволяет на основании реакции адресата заключить о бесконфликтном характере общения. Материал соответствует нормам испанского языка иберийского ареала. Факты испанского языка Латинской Америки не рассматриваются, так как они представляют собой предмет особого научного интереса.

Анализу было подвергнуто более 400 законченных отрывков, отражающих ситуации межличностного речевого взаимодействия. В качестве еще одного метода исследования применялся контекстуальный анализ, который позволил выявить две основные тенденции.

I. Грубая лексика, подвергаясь десемантизации, в общении выступает в роли своеобразной фатической связки и средства экспрессии. При этом спектр выражаемых эмоций и чувств может быть разнообразным. Продемонстрируем это на примере слова *joder*.

¡Hay que joderse con la Juana! ¡Es que manda en todos! Trae frito al pobre Floro, trae fritos a los niños, me trae frito a mí...», se le quejaba Antonio (Черт бы побрал Хуану! Она всеми командует! Она изводит бедного Флоро, она изводит детей, она изводит меня, – жаловался Антонио) [11, р. 158].

Достаточно грубое по своей стилистике *joderse* служит для выражения досады, раздражения. Оно допустимо при фамиллярно-дружеском общении, в кругу своих.

Та же прагматическая нагрузка вскрывается и в следующем примере, отли-

чие заключается в оттенке выражаемых эмоций: *José Maldonado Velasco entró al despacho de su primo el abogado Cambronero quejándose de las prisas que le había metido: «¡Joder, Jose, he tenido que anular dos citas y ahora tengo que volverme para Las Balsas! Espero que sea tan importante eso que tienes que decirme, porque según Diego era de vida o muerte»* (Хосе Мальдонадо Веласко вошел в кабинет своего двоюродного брата адвоката Камбронеро, жалуясь на то, что тот заставил его быстро приехать: «**Черт возьми**, Хосе, мне пришлось отменить две встречи, а еще мне надо будет возвращаться в Лас Бальсас! Я надеюсь, что ты собираешься сказать мне что-то действительно важное, потому что, со слов Диего, это вопрос жизни и смерти) [11, p. 112].

Несмотря на невежливый характер с точки зрения нормативной лексики слова *joder*, оно употребляется говорящим как эмоционально-экспрессивное средство для привлечения внимания собеседника к высказыванию. Такое использование слова не служит для адресата выражением агрессии, оно скорее подчеркивает групповую солидарность.

Еще более интересной представляется тенденция, связанная с инвертированием исходного негативного содержания этих слов в содержание положительное. Таким образом, в определенных ситуациях они используются для выражения радости, удивления, восхищения и т. д.

Se abrazaron fuerte, dándose palmadas en la espalda y riendo sin saber por qué: ¡Joder, Juanito, si estás hecho un señor! (Они крепко обнялись, похлопывая друг друга по спине и смеясь по неизвестной причине: «**Черт возьми**, Хуанито, да ты же стал настоящим сеньором!») [12, p. 347].

Несмотря на невежливый и даже очень грубый характер испанского *joder*, оно употребляется говорящим как средство выражения восхищения, а не как средство агрессии. Спектр выражаемых при помощи грубой лексики положительных эмоций широк.

«*¡Joder! Que suerte tienes, Antonio, saludó con la voz entrecortada Floro Vazquez, y señaló el viejo ventilador sobre la cafetera: «Me paso ahí adentro contigo, a ver si me da el fresco»* («**Черт**! Как же тебе везет, Антонио, — поприветствовал дребезжащим голосом Флоро Вакес и указал на

старый вентилятор на кофеварке: — я зайду к тебе, может, мне удастся охладиться») [11, p. 221].

В некоторых ситуациях исходная семантика грубого *joder* утрачивается и уступает место эмфатическому содержанию, которое призвано эмоционально объединить общающихся.

Схожая прагматическая нагрузка вскрывается и в следующем примере:

Joder, no te preocupes, María, yo lo soluciono... que sí, lo he entendido bien... pero ¿son para tanto esos rumores?... bueno, tomaré medidas... (Черт, Мария, да не волнуйся ты так, я все решу...да, я все хорошо понял... но разве эти сплетни стоят твоих переживаний?... Ладно, я приму меры...) [13, p. 63].

Joder употребляется говорящим как эмфатическое средство, направленное на приободрение и эмоциональную поддержку собеседника.

Joder, ¿no me vas a hacer una rebajita? Te pagué los estudios, macho (А ты не сделаешь ли мне скидочку? Я ведь оплатил твою учебу, приятель) [14].

В данном контексте говорящий использует *joder* не для того, чтобы выразить какую-либо эмоцию, а скорее для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Обращает на себя особое внимание допустимость использования слов, подобных *joder*, вместе с такими исторически сложившимися маркерами вежливости, как *usted* (Вы), *señor* (сеньор), *señora* (сеньора), *señorita* (сеньорита) и т. д.

¡Joder, todo el mundo es inocente en su familia, señorita, y yo soy el malo! (Черт возьми, все в вашей семье безгрешные, сеньорита, а я плохой!) [15, p. 56].

Употребления грубой лексики вместе с маркерами вежливости дает основание заключить о наметившемся стирании границ между разными социальными классами.

II. Вторая выявленная тенденция связана с расширением лексического значения грубых слов. Такая лексика в разговорной речи современных носителей испанского языка часто выступает в качестве заместителей нормативных слов. Так, *joder* используется в следующих значениях:

1) «повредить», «испортить», «поломать» что-то (нормативный эквивалент — *romper, perjudicar*): *Cuando lo tenía casi controlado, se le fue una pezuña con el hielo de*

los adoquines y allá nos fuimos los dos: yo de culo al suelo y el animal que me cayó encima y me acabó de joder la pierna (Когда лошадь была почти под контролем, ее копыто стало уходить в сторону, она поскользнулась на мостовой, и мы упали вдвоем: я шлепнулся на землю, а животное упало на меня сверху и **сломало** мне ногу) [16, p. 33].

2) «надоедать», «докучать», «беспокоить», «раздражать», а также «утомлять», «причинять неудобства» (соответствует нормативным *molestar, fastidiar*): *Ésa es otra cosa, Antonio. Es que me jode que no se pueda dar un paso sin que se enteren los periodistas* (Это другое, Антонио. Меня **раздражает**, что невозможно сделать и шагу, чтобы об этом не узнали журналисты) [11, p. 217].

3) «разрушать», «сильно огорчать», «разочаровывать», «губить», «превращать в руины» (соответствует нормативным *destronar, arruinar*): *Nunca me has querido por lo que soy, sino por lo que esperabas que llegara a ser... «Ya cambiará, quizá con los años sea el príncipe azul que yo soñé...» ¡Pues siento joderte el cuento!* (Ты никогда не любила меня за то, кто я есть, а за то, кем, ты надеялась, я стану... «Он изменится, возможно, со временем, он станет принцем, о котором я мечтала...». Так вот, мне жаль **разочаровывать** тебя!) [14].

Заклучение

Анализ показал, что в связи с изменившимися реалиями жизни испанского об-

щества социальные ограничения, традиционно накладываемые на использование грубой лексики, стали ослабевать. Количественный анализ авторитетных испанских периодических изданий свидетельствует о проникновении грубых номинаций даже в тексты таких газет, которые проявляют заботу о стиле и языке в целом и влияют на формирование общественного мнения. Кроме того, грубая лексика фиксируется и в лексикографических источниках.

Изначально воспринятая молодежью грубая лексика стала заимствоваться представителями разных возрастных категорий и даже социальных слоев, что свидетельствует о наметившейся тенденции, связанной с переориентацией языкового престижа и опрочением традиционных для испанской культуры прошлого принципов общения.

Проведенный на материале художественных и драматических произведений качественный анализ позволил вскрыть прагматический потенциал этой лексики. Порисаемые с традиционной точки зрения средства грубости и невежливости в определенных ситуациях общения используются не как средства выражения агрессии, а в качестве эмоционально-экспрессивных и фатических элементов. Наблюдается преобразование грубой эмотивности, которое в испанском современном обществе воспринимается как нейтральное. Кроме того, грубые слова получают дополнительные значения, проявляя способность равнозначно замещать средства нормативные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
2. Труфанова, И. В. Прагматика несобственно-прямой речи / И. В. Труфанова. – М. : Прометей, 2000. – 568 с.
3. Astur, M. Perros / M. Perros // *Mi madre es un pez* / ed.: S. Bellver, J. Soto Ivars. – Barcelona : Libros del Silencio, 2011. – P. 281–288.
4. Лоней, Д. Эти странные испанцы / Д. Лоней ; пер. с англ. А. Базина. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 1999. – 72 с.
5. Овчинникова, А. В. Социологические аспекты изучения речи испанской молодежи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. В. Овчинникова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2011. – 22 с.
6. Rodríguez González, F. Medios de comunicación y contracultura juvenil / F. Rodríguez González // *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. – 2006. – № 25. – P. 5–30.
7. Meil Landwerlin, G. Padres e hijos en la España actual / G. Meil Landwerlin. – Barcelona : Fundación la Caixa, 2006. – 183 p.

8. Rius, M. ¿Somos malhablados? [Recurso electrónico] / M. Rius // La Vanguardia. – 2012. – 21 de enero – Modo de acceso: <https://www.lavanguardia.com/estilos-de-vida/20120120/542445292-65/somos-malhablados.html>. – Fecha de acceso: 2.03.2021.
9. Сидоревич-Стахнова, О. В. Вежливость как основа фатического общения на испанском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / О. В. Сидоревич-Стахнова. – Минск, 2017. – 161 л.
10. Stenström, A.-B. La función fática de los apelativos en el habla juvenil de Madrid y Londres. Estudio contrastivo / A.-B. Stenström, A. M. Jörgensen // II Coloquio internacional del programa EDICE: cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral / Univ. de Valencia ; ed.: A. Briz, A. Hidalgo, M. Albelda. – Valencia, 2006. – P. 355–365.
11. Naveros, M. Al calor del día / M. Naveros. – Madrid : Alfaguara, 2001. – 304 p.
12. Grandes, A. Los aires difíciles / A. Grandes. – Barcelona : Tusquets, 2007. – 800 p.
13. Martínez Cernadas, F. Firma de negro / F. Martínez Cernadas // Teatro. Promoción RESAD 2005 / Canale, M. [et al.]. – Madrid : Fundamentos, 2006. – P. 57–100.
14. Rubio, J. C. 10 [Recurso electrónico] / J.C. Rubio // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. – Modo de acceso: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/10--1/>. – Fecha de acceso: 16.07.2020.
15. Vallejo, A. Culpable ¿Pssss... / A. Vallejo. – Granada : Dauro, 2005. – 108 p.
16. Rosa, I El vano ayer / I. Rosa. – Barcelona : Seix Barral, 2004. – 309 p.

REFERENCES

1. Brown, P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
2. Trufanova, I. V. Pragmatika niesobstviennopriamoi riechi / I. V. Trufanova. – M. : Promietej, 2000. – 568 s.
3. Astur, M. Perros / M. Perros // Mi madre es un pez / ed.: S. Bellver, J. Soto Ivars. – Barcelona : Libros del Silencio, 2011. – P. 281–288.
4. Lonej, D. Eti strannyje ispany / D. Lonej ; pir. s angl. A. Bazina. – M. : Egmont Rossija Ltd., 1999. – 72 s.
5. Ovchinnikova, A. V. Sociologichieskije aspiekty izuchienija riechi iapanskoj molodiozhi : avtorief. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05 / A. V. Ovchinnikova ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – M., 2011. – 22 s.
6. Rodríguez González, F. Medios de comunicación y contracultura juvenil / F. Rodríguez González // Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. – 2006. – № 25. – P. 5–30.
7. Meil Landwerlin, G. Padres e hijos en la España actual / G. Meil Landwerlin. – Barcelona : Fundación la Caixa, 2006. – 183 p.
8. Rius, M. ¿Somos malhablados? [Recurso electrónico] / M. Rius // La Vanguardia. – 2012. – 21 de enero – Modo de acceso: <https://www.lavanguardia.com/estilos-de-vida/20120120/542445292-65/somos-malhablados.html>. – Fecha de acceso: 2.03.2021.
9. Sidorievich-Stakhnova, O. V. Viezhlivost' kak osnova fatichieskogo obshchienija na ispanskom jazykie : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05 / O. V. Sidorievich-Stakhnova. – Minsk, 2017. – 161 l.
10. Stenström, A.-B. La función fática de los apelativos en el habla juvenil de Madrid y Londres. Estudio contrastivo / A.-B. Stenström, A. M. Jörgensen // II Coloquio internacional del programa EDICE: cortesía y conversación: de lo escrito a lo oral / Univ. de Valencia ; ed.: A. Briz, A. Hidalgo, M. Albelda. – Valencia, 2006. – P. 355–365.
11. Naveros, M. Al calor del día / M. Naveros. – Madrid : Alfaguara, 2001. – 304 p.
12. Grandes, A. Los aires difíciles / A. Grandes. – Barcelona : Tusquets, 2007. – 800 p.
13. Martínez Cernadas, F. Firma de negro / F. Martínez Cernadas // Teatro. Promoción RESAD 2005 / Canale, M. [et al.]. – Madrid : Fundamentos, 2006. – P. 57–100.
14. Rubio, J. C. 10 [Recurso electrónico] / J.C. Rubio // Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. – Modo de acceso: <http://www.cervantesvirtual.com/obra/10--1/>. – Fecha de acceso: 16.07.2020.
15. Vallejo, A. Culpable ¿Pssss... / A. Vallejo. – Granada : Dauro, 2005. – 108 p.
16. Rosa, I El vano ayer / I. Rosa. – Barcelona : Seix Barral, 2004. – 309 p.